

— Пойди поприветствуй императрицу, — сразу же сказал Оуян Оу Цзин. — Ты видела её несколько раз в детстве, так что вы не чужие, не бойся, что она будет тебя притеснять.

— Если она начнёт придираться, я вернусь и пожалюсь вам! — полушутя-полусерьёзно сказала Оу Цзин.

Оуян улыбнулся, не комментируя, и перевёл взгляд на госпожу Чжао, спокойно сказав:

— После того, как дело с императрицей будет завершено, вам не нужно возвращаться в Летний дворец, отправляйтесь сразу домой. Но, вернувшись, госпожа маркиза Чэньэня, присмотрите за вашим вторым сыном, чтобы он, сломав ногу, не потерял и жизнь.

— Я понимаю, Девятитысячелетний, будьте спокойны, — госпожа Чжао слегка вздрогнула, но на лице её не отразилось ничего, кроме спокойствия. Она встала и, поклонившись, увела Оу Цзин.

После того как госпожа Чжао и Оу Цзин ушли, Оуян невольно вздохнул с облегчением.

Каждый раз, общаясь с госпожой Чжао, Оуян чувствовал себя измотанным, боясь переступить грань и вызвать у себя раздражение или дискомфорт.

Формально госпожа Чжао была матерью Оуяна, и её нужно было уважать, соблюдая сыновний долг. Однако по реальному родству она была его невесткой, и он должен был держаться от неё подальше, чтобы избежать недопонимания.

Именно поэтому, хотя госпожа Чжао вызывала у Оуяна неприязнь, пока она не переступала его границы, он должен был терпеть — сын не может убить мать, а дед не может ругать невестку.

К счастью, госпожа Чжао тоже не считала нынешнего Оуяна своим сыном и не хотела иметь с ним дело.

Когда им приходилось встречаться, они оба действовали быстро и расходились.

Оуян вздохнул, встал и направился в спальню, чтобы немного поспать и набраться сил для встречи с Шэнь Чжэньжэнем после вечера с Ци Юньхэном.

С тех пор как Ци Юньхэн привык ужинать в Летнем дворце, он стал ещё более энергичным.

Оуян, конечно, не давал Ци Юньхэну эликсиров — такие вещи не подходят для обычных людей, одна таблетка могла бы привести к взрыву тела.

Но многие блюда и напитки в Летнем дворце были необычными, особенно вода и чай, которые пил сам Оуян. Вода была насыщена духовной энергией в течение достаточного времени, а чай собирали и обрабатывали настоящие культиваторы на духовных полях Южного моря. Даже одна чашка такого чая в день была лучше, чем легендарные укрепляющие пилюли.

Ци Юньхэн, сам того не замечая, тоже получил пользу, его здоровье укрепилось, и он стал использовать свою энергию на Оуяне, требуя его каждую ночь.

Оуян испытывал смешанные чувства — он наслаждался этим, но и страдал одновременно.

В то же время Шэнь Чжэньжэнь, с которым Оуян подружился, становился всё более навязчивым, обращаясь к нему по любому поводу.

Сегодня утром Шэнь Чжэньжэнь снова прислал бумажного журавлика, сообщая, что сделал форму, которую могут использовать обычные люди, и просил Оуяна прийти и оценить её. Если бы Оуян не успел вовремя забрать журавлика, Ци Юньхэн, находившийся рядом, мог бы заметить его и заподозрить неладное.

— Нужно найти более безопасный, скрытный и надёжный способ связи.

Оуян лежал на кровати, хмурясь и размышляя.

Но, размышляя, он вспомнил об управляющем Чжуане, который уехал уже давно.

Прикинув в уме, Оуян решил, что через десять-пятнадцать дней управляющий Чжуан и Чоу Ню должны вернуться. Тогда можно будет вызвать управляющего Чжуана обратно во дворец, чтобы он разбирался с надоедливым Шэнь Чжэньжэнем, а затем выманить его из дворца и дать Чоу Ню возможность самому заполучить механическую марионетку.

Подумав так, Оуян перестал тратить силы на размышления о способах связи, закрыл глаза и начал спать.

После того как госпожа Чжао и Оу Цзин ушли из дворца, слухи о том, что императорский супруг хочет взять племянницу в дворец, рассеялись.

Через несколько дней Оуян получил сообщение из дома, что управляющий Чжуан выполнил задание и уже возвращается, его прибытие ожидается в ближайшие дни.

Оуян был рад, но тут Ци Юньхэн, разгневанный, пришёл в Летний дворец, причём через потайной ход.

Было ещё не полдень, и если бы Ци Юньхэн пришёл для своих утех, ему не нужно было бы скрываться. Если же он пришёл с обвинениями, то тем более не было необходимости использовать потайной ход.

— Кто тебя разозлил? — Оуян, внимательно наблюдая за ним, быстро понял, что гнев Ци Юньхэна не был направлен на него.

Ци Юньхэн глубоко вздохнул, не отвечая сразу, быстро подошёл к Оуяну, поднял его с кровати и крепко обнял, а затем глухо сказал:

— Пока не спрашивай, дай мне немного подержать тебя, чтобы успокоиться.

— Думаю, тебе сначала нужно принять ванну, чтобы согреться, — Оуян поморщился от холода, исходившего от Ци Юньхэна.

— Позже, — Ци Юньхэн не отпускал, пока холод не сменился теплом, и только тогда он сел на кровать.

Оуян закатил глаза, позвал Пан Чжуна и приказал принести ванну и горячую воду, а затем сам налил чашку горячего чая Ци Юньхэну, заставив его выпить.

После этого он снова спросил:

— Ну, так что случилось?

— Помнишь, на большом собрании кто-то преподнёс нефритовую печать? — холодно сказал Ци

Юньхэн. — Чжу Бянь нашёл зачинщика, и это герцог Цинь Сун Ши.

— О? — Оуян моргнул. — Есть доказательства или только подозрения?

— Прямых доказательств нет, но все улики указывают на Сун Ши, — глубоко вздохнул Ци Юньхэн. — Цао Хун, который преподнёс печать, был земляком одной из наложниц Сун Ши. Чжу Бянь нашёл свидетелей, подтверждающих, что Цао Хун перед тем, как получить должность, посещал Сун Ши, и вскоре после этого получил пост. Чиновник, который продвинул Цао Хуна, казалось, не имел связи с Сун Ши, но самый доверенный слуга этого чиновника был племянником управляющего в доме Сун Ши.

Оуян удивился:

— Какая запутанная связь... Чжу Бянь действительно мастер в таких делах.

— Чжу Бянь лучше всего умеет следовать за ниточками и распутывать клубок, — холодно усмехнулся Ци Юньхэн. — Если он прямо обвиняет герцога Цинь, значит, у него есть неопровержимые доказательства, но, вероятно, некоторые из них получены нечестным путём, поэтому он не представил их мне.

— И что дальше? — спросил Оуян. — Зачем он это сделал?

— Это можно узнать только от него самого, — мрачно сказал Ци Юньхэн. — Я не параноик, но если он хотел угодить мне, почему бы не преподнести печать лично, а через посредника? И зачем так усложнять, если не пытаться скрыть свою причастность?

Оуян не стал комментировать догадки Ци Юньхэна и не стал его утешать, лишь легкомысленно продолжил:

— Этот герцог Цинь уже не в столице, верно?

— Он уехал восемнадцатого января, — лицо Ци Юньхэна стало ещё мрачнее.

— Даже если бы он остался в столице, ты бы ничего не смог сделать, — усмехнулся Оуян. — Весь город знает, что он и герцог Лу — основа твоего восхождения. Пока он не поднимет мятеж, даже если он прямо обвинит тебя, ты не сможешь его казнить.

— ...Я не смогу, — скрипя зубами, сказал Ци Юньхэн. — Даже если не учитывать его войска, мне нужно думать о мнении народа, чтобы не прослыть предателем, который избавляется от своих союзников.

— Тогда давай подумаем наоборот, — сказал Оуян. — Этот герцог Цинь, он осмелится поднять восстание?

— Конечно... нет! — выражение лица Ци Юньхэна сразу же расслабилось, и он усмехнулся. — Если бы у него была такая смелость или решительность, он бы не объединился с герцогом Лу, чтобы вернуть меня на север и передать мне армию.

— Он уже немолод, верно? — продолжил Оуян.

— Ему уже за пятьдесят, близится к шестидесяти, — усмешка Ци Юньхэна стала шире.

— Тогда мне больше нечего спрашивать, — пожал плечами Оуян.

Ци Юньхэн рассмеялся, обнял Оуяна и сказал:

— Ты прав, Чунъянь, иногда лучше не задавать вопросов, результат важнее! Победитель получает всё, а мне нужно только продолжать побеждать!

<http://bllate.org/book/16203/1454607>